Русская речь
Russian Speech

№ 01 | 2021
С. / Pp. 95–103

Язык художественной литературы

О двух варваризмах в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»

Екатерина Александровна Щеглова, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург), e.scheglova@spbu.ru

DOI: 10.31857/S013161170013909-8

АННОТАЦИЯ: В науке сложилось несправедливое понятие о варваризмах как явлении в языковой системе периферическом, а в реальном употреблении — мало заслуживающем внимания, имеющем весьма ограниченный функционал. Это мнение несправедливо по нескольким причинам: 1) именно эта группа слов постоянно подвергается изменениям, что делает ее маркером динамических процессов в языке определенной эпохи, 2) в языке нет ничего периферического, что не могло бы стать инструментом формирования той или иной черты индивидуального авторского стиля или отдельного жанра. Особенного внимания заслуживают случаи, когда жанр предполагает наличие варваризмов (например, в путешествиях), однако автор ограничивает их употребление. В таких обстоятельствах каждый отдельный случай может представлять интерес. В данной статье предложен историко-культурологический анализ двух варваризмов из текста очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» — *sugarbird* и *broomtree*. Особенности употребления обоих нехарактерны для произведения (нет русскоязычного варианта названия, в первом случае используется калька, во втором — частичный перевод). Первый варваризм представляет интерес как отражение этапа становления научной терминологии (автор предлагает собственный вариант наименования терминологического характера). Во втором случае интересно не только само слово, но и предмет, стоящий за ним, поскольку мы имеем дело с одним из

первых упоминаний одного из библейских деревьев в русской литературе (ретамы).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: варваризм, И. А. Гончаров, «Фрегат “Паллада”», путешествие, заимствование, история лексики XIX века

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Щеглова Е. А. О двух варваризмах в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Русская речь. 2021. № 1. С. 95–103. DOI: 10.31857/S013161170013909-8.

The Language of Fiction

On Two Barbarisms in Essays on the Journey by I. A. Goncharov “Frigate *Pallada*”

Ekaterina A. Shcheglova, Saint-Petersburg State University, Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences) (Russia, Saint-Petersburg), e.scheglova@spbu.ru

ABSTRACT: There is an unjust scientific understanding of barbarisms as a phenomenon which is peripheral in the language system and does not deserve attention, having quite a limited functionality in the real use. This opinion is unjust due to several reasons: 1) it is a group of words which is constantly submitted to changes, which makes it the marker of dynamic processes in the language of a certain epoch, 2) the language has nothing peripheral, nothing which cannot become an instrument of forming a feature of author individual style or a single genre.

Special attention must be paid to the cases when a genre involves the usage of barbarisms (for example, in travels), but the author limits their use. In such circumstances every single case may pose an interest. The article offers the historical and cultural analysis of two barbarisms from the text of travel reviews by I. A. Goncharov “Frigate *Pallada*” — *sugarbird* and *broomtree*. Their use is not common for the book (there are no Russian variants of the names, the first case is a calque and the second one is partial translation). The first barbarism is of interest because it reflects the stage of scientific

terms appearance (the author offers his own variant of terminological naming). In the second case it is not the word which is interesting, but the subject behind it because here we deal with one of the first references to a Bible tree in the Russian literature (rhetheme).

KEYWORDS: barbarism, I. A. Goncharov, “Frigate *Pallada*”, travel, borrowing, vocabulary history of the XIX century

FOR CITATION: Shcheglova E. A. On Two Barbarisms in Essays on the Journey by I. A. Goncharov “Frigate *Pallada*”. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2021. No. 1. Pp. 95–103. DOI: 10.31857/S013161170013909-8.

Варваризмы — это «заимствованные из чужого языка слова или выражения, не до конца освоенные заимствующим языком (чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения, т. е. с несоответствием правилам словообразования, словоизменения или сочетания слов, действующим в заимствующем языке) и поэтому воспринимаемые как чужеродные» [Емельянова 2011: 23]. Это классическое определение варваризмов, данное в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под редакцией М. Н. Кожиной, демонстрирует, с одной стороны, периферическое положение этой группы слов в лексической системе языка, с другой — отношение к ней носителей языка настороженное, если не сказать отрицательное. До недавнего времени варваризмы и иноязычные вкрапления практически не изучались даже при обращении к индивидуальному стилю того или иного писателя. Положение изменилось лишь в последнее время [Шестакова, Кулева 2015]. И это не может не радовать по нескольким причинам. Во-первых, количество и особенности употребления варваризмов и иноязычных вкраплений может быть признаком языковой индивидуальности автора. Во-вторых, именно эти группы слов отражают изменения в лексической системе конкретной эпохи. В-третьих, статус варваризма у слова часто является ступенью к его освоению языком (вспомним, что А. С. Пушкин писал о слове *vulgar* «вряд ли быть ему в чести», однако это — пусть даже шуточное — предсказание не сбылось и прилагательное *вульгарный* сейчас стало общеупотребительным).

Изучение варваризмов является необходимым, с нашей точки зрения, шагом в изучении языка писателя. Это утверждение одинаково справедливо и в случае их большого количества, и в случае единичных употреб-

лений. Последнее, пожалуй, особенно актуально в том случае, если жанр произведения сам по себе подразумевает употребление варваризмов и иноязычных вкраплений. В уже упоминаемом стилистическом словаре в качестве одной из основных функций варваризмов называется создание «местного колорита», характеристика быта разных стран. Из этого следует, что при описании путешествия варваризмы становятся необходимым языковым ресурсом для запечатления в слове той действительности, в которой оказался автор. То есть жанр путешествия, как никакой другой, казалось бы, подразумевает необходимость использования варваризмов. Рассмотрим характерный пример из сочинения В. П. Боткина «Письма об Испании»: *Тут громадные geleras валенсиянцев в их полуафриканской одежде и щеголей андалузцев выезжает на дорогу, чтоб к ночи поспеть на ночлег в венту; цирюльники публично у дверей цирюлен бреют своих клиентов; кружок андалузцев (вечно веселый народ), сидя у входа в кузницы, напевают la caña; возле — девочки под кастаньеты пляшут fanfango, толпа полуодетых, бронзового цвета мальчиков играют на улице, представляя corrida de toros; ватага удалых cigarreras (женщин, работающих на сигарной фабрике: еще особенный испанский тип) расходится по домам, окруженная своими любезными* [Боткин 1976: 18]. Испания в то время — малоизвестная российскому читателю страна, поэтому употребление большого количества (пять слов на сравнительно небольшой отрывок) варваризмов и иноязычных вкраплений кажется естественным. Тем удивительнее на этом фоне выглядят очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», описывающие не менее (если не более) экзотическую реальность, но отличающиеся большей сдержанностью в использовании варваризмов и иноязычных вкраплений. Последние практически полностью ограничиваются оригинальным представлением имен собственных: *Кафры, или амакоза, продолжали распространяться к западу, перешли большую Рыбную реку (Fish-river) и заняли нынешнюю провинцию Альбани, до Воскресной реки* [Гончаров 1997: 159]; *Эта гостиница называется «Фокс анд гоундс» («Fox and hounds»), то есть «Лисица и собаки»* [Гончаров 1997: 197].

Употребление такого рода лексики всегда обусловлена у И. А. Гончарова ощущаемой им сугубой необходимостью, при этом слова этой группы снабжаются автором пояснениями, необходимыми для того, чтобы слово могло быть освоено читателем. Именно эти обстоятельства делают подробное изучение каждого случая употребления варваризма необходимым и во многом захватывающим. В рамках данной статьи мы обратимся к двум варваризмам, встречающимся на страницах «Фрегата». Их выбор обусловлен наличием культурного контекста, стоящего за каждым

из слов. При этом в обоих случаях понимание слов затемнено для современного читателя.

Первым таким «загадочным» варваризмом является наименование *sugarbird*, которое автор сопровождает собственным переводом — *сахарная птица*: *Я заметил одну, синюю, с хвостом более четверти аршина длиной. Она называется sugarbird (сахарная птица) оттого, что постоянно водится около так называемого сахарного кустарника* [Гончаров 1997: 153].

С этой птицей И. А. Гончаров встречается во время пребывания в Капской колонии. Для того чтобы разобраться, что за птица имеется в виду, следует рассмотреть англо- и русскоязычный варианты названия по раздельности. При этом первоначально следует обратиться к английскому варианту названия, поскольку по контексту понятно, что оно в этом случае является для автора основным. На это указывает и положение русскоязычного наименования в скобках следом за англоязычным, что является обычным для очерков способом ввода перевода иноязычного слова, когда нет русскоязычного эквивалента названия.

В современном «Словаре названий животных. Птицы» встречается тот же английский вариант названия птицы, что и у И. А. Гончарова. Однако наименования *сахарная птица* не содержится, в качестве эквивалентного русского названия приводится *капский сахарный медосос* [Беме, Флинт 1994: 9044]. Интересно, что слово *медосос* обозначено как неологизм в «Словаре русского языка XVIII века» [Сорокин (гл. ред.) 2001: 112], зафиксировано оно и в «Словаре Академии Российской» [САР^2 III: 732], однако понимается исключительно как эквивалент наименования *колибри*. То же понимание слова отмечено и в энциклопедическом словаре Березина: ‘малейший колибри’ [Березин (гл. ред.) 1875: 102]. Однако очевидно, что у И. А. Гончарова речь идет не о колибри. Номинацию *колибри* он использует в своих очерках; при этом невозможно предположить, что слова *колибри* и *медосос* являются эквивалентами наименования одного и того же вида птиц: описание не соответствует. Можно утверждать, что современное наименование птицы, описываемой в очерках, могло быть известно их автору и читателям лишь в значении *колибри*. Таким образом, логичным представляется вывод, что И. А. Гончаров не располагал русскоязычным эквивалентом названия птицы и был вынужден искать самостоятельно вариант названия или перевода для русского читателя.

Действительно, наименование *сахарная птица* не упоминается в словарях XIX–нач. XX вв. и является очевидной калькой английского названия птицы. Однако выбор калькирования как способа создания русского варианта названия в данном случае интересен сам по себе. И. А. Гончаров создает составную номинацию научного характера, состоящую из

существительного, служащего родовым наименованием, и прилагательного, выполняющего функцию классификатора. Кроме того, впоследствии именно вариант, созданный автором «Фрегата», стал русскоязычным вариантом названия: наименование *сахарная птица* встречается во многих научных и научно-популярных источниках по биологии, например: *В Южной Африке, оторванно от общего ареала семейства, распространен род Promerops — сахарные птицы с двумя видами. Эти медососы имеют более стройное тело и стройный клюв, чем остальные представители семейства, и очень длинный хвост. Длина тела этих птиц 45 см* [Гладков, Михеев (ред.) 1970: 548]. Это еще раз подтверждает удивительное филологическое чутье И. А. Гончарова (напомним, что он учился на словесном факультете Московского университета). В этом случае варваризм становится ступенью к появлению наименования реалии в русском языке.

Еще более любопытна история второго из предлагаемых нами к рассмотрению варваризмов — *broomtree*: *По местам посажено было чрезвычайно красивое и невиданное у нас дерево, называемое по-английски broomtree. Broom значит метла; дерево названо так потому, что у него нет листьев, а есть только тонкие и чрезвычайно длинные зеленые прутья, которые висят, как кудри, почти до земли. Они видом немного напоминают плакучие ивы, но гораздо красивее их* [Гончаров 1997: 138].

И. А. Гончаров видит это растение во время своего знакомства с Капской колонией в Африке. Любопытно, что дается нетранслитерированное английское название без сопровождения какой-либо русскоязычной альтернативой (перевода, транслитерации, варианта наименования). Можно предположить, что в этом случае автору очерков не удалось обнаружить других наименований растения. Отчасти ввод наименования в статусе варваризма обусловлен семантической прозрачностью английского слова для большей части образованного русского общества (тем более что на его перевод указывает и сам И. А. Гончаров). Однако все эти предположения не дают разгадки, что за растение встретилось автору «Фрегата».

Если взять за основу поисков внешний облик описываемого растения, область распространения, а также перевод англицизма, употребленного в очерках, речь идет о кустарнике (отдельные виды которого произрастают и в Европе), известном под названиями *ретама* и *метельник.* Слово *метельник* содержится в «Словаре русского языка XVIII века»: «1. *Бот. Растение* (лат. XVIII Spartium scoparium, Cytisus). Рута птичья, метельник. Ад. I 765)» [Сорокин (гл. ред.) 2001: 157]. Сложнее установить факт знакомства русского читателя времени написания очерков с наименованием *ретама.* В относящемся к более позднему периоду словаре Брокгауза

и Ефрона в статье «Канарские острова» встречается упоминание кустарника под этим наименованием [Брокгауз, Ефрон 1895: 265–266]. Более ранняя лексикографическая фиксация слова обнаружена в Ботаническом словаре Н. И. Анненкова. В словаре дается описание этого необычного растения (заголовочное латинское название — *Spartium junceum L.*), при этом даются следующие названия: *бобровник, испанский дрок, жерновец, ивановец, ива или птичья рута, яновец, ретема*. Последнее снабжено авторским примечанием «Название “Ретема” взято с еврейского Rothem», растение под этим названием, по свидетельству автора словаря, упоминается в оригинале Библии, а на русский было переведено как *дрок* и *можжевельник* [Анненков 1878: 338]. Действительно, в Третьей книге царств содержится следующий отрывок: «*А сам отошел в пустыню на день пути, и, пришедши, сел под можжевеловым кустом, и просил смерти себе, и сказал: довольно, уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих*» (3 Цар 19:4). В современной научно-популярной статье утверждается: «В древнееврейском каноне Ветхого Завета, написанном на иврите, Илия сидит под кустом с названием “ротэм”. Большинство исследователей Библии идентифицируют его с растением ***Retama raetam*** (*Genista raetam*) — **метельником метельниковым** из семейства бобовых, который получил свое научное название от слова “ретам” на арабском языке и “ротэм” на иврите. <…> Это самый большой и наиболее заметный кустарник, растущий в Иудейской пустыне, преимущественно по вади и руслам ручьев. Его легко отличить от других кустарников по характерным длинным изогнутым веткам с немногочисленными листьями, небольшими и рано опадающими. Высота растения достигает трех метров. Короткий деревянистый ствол покрыт прижатыми к стеблю шелковистыми волосками. Прямые и чрезвычайно длинные корни проникают в глубину до 20 метров, что и позволяет **метельнику** безбедно жить в пустыне. В конце периода дождей растение покрывается несметным числом небольших, сильно пахнущих миндалем цветков с белоснежным венчиком с фиолетовыми прожилками» («Что есть что в мире библейских растений» [Сокольский 2006: 129]). Таким образом, возможно, мы имеем дело с одним из первых упоминаний и описаний библейского дерева в русской литературной традиции.

Почему же И. А. Гончаров не использовал одно из приведенных русскоязычных наименований растения? Можно предположить, что упомянутые номинации в середине XIX века употреблялись для европейских его видов. Вероятно, в очерках Гончарова мы имеем дело с первым достаточно подробным описанием африканского вида этого необычного кустарника в русском культурном пространстве (что особенно интересно, учитывая упоминания о нем в библейских контекстах).

Разбор этих двух варваризмов, встречающихся в очерках путешествия И. А. Гончарова, дает представление о том:

1) как из характера употребления этой, как часто считается, периферической лексической группы складывается языковая личность автора;

2) какой глубокий культурологический контекст может стоять за единичным употреблением слова;

3) какие неожиданные изменения могут происходить внутри лексической системы.

Источники

Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1878. 646 с.

Березин И. Н. (гл. ред.). Русский энциклопедический словарь. Отдел III. Т. II. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1875. 672 с.

Боткин В. П. Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. 344 с.

Брокгауз, Ефрон — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. XIV. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1895. 480 с.

Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 746 с.

САР[2], III — Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: Тип-фия Императорской Академии Наук, 1814. 1444 с.

Литература

Беме Р. Л., Флинт В. Е. Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. Латинский, русский, английский, немецкий, французский. М.: Рус. яз., РУССО, 1994. 426 с.

Гладков Н. А., Михеев А. В. (ред.). Жизнь животных: в 6 т. Т. 5. М.: Просвещение, 1970. 611 с.

Емельянова О. Н. Варваризмы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2011. С. 23–24.

Сокольский И. Что есть что в мире библейских растений // Наука и жизнь. 2006. № 5. С. 124–132.

Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII в. Вып. 12. СПб.: Наука, 2001. 252 с.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2015. Т. 74. № 1. С. 68–76.

References

Beme R. L., Flint V. E. *Pyatiyazychnyi slovar’ nazvanii zhivotnykh. Ptitsy. Latinskii, russkii, angliiskii, nemetskii, frantsuzskii* [Five-language dictionary of animal names. Birds]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., RUSSO Publ., 1994. 426 p.

Emel’yanova O. N. *Varvarizmy* [Varvarizma]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar’ russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011, pp. 23–24. (In Russ.)

Gladkov N. A., Mikheev A. V. (eds.). *Zhizn’ zhivotnyh: v 6 t.* [Animal life: In 6 volumes]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 611 p.

Shestakova L. L., Kuleva A. S. [Foreign-language inlays in the texts of poets of the Silver Age (based on the materials of the consolidated dictionary of the poetic language)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2015, vol. 74, no. 1, pp. 68–76. (In Russ.)

Sokol’skii I. *Chto est’ chto v mire bibleiskikh rastenii* [What is in the world of biblical plants]. Nauka i zhizn’, 2006, no. 5, pp. 124–132. (In Russ.)

Sorokin S. Yu. (ch. ed.). *Slovar’ russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of 18th c.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 252 p.